

Универсальность и автономия в этике И. Канта*

О.В. Артемьева

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-86-102

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Статья посвящена анализу подхода И. Канта к осмыслению идей универсальности и автономии как существенных характеристик морали. Показано, что открытия И. Канта относительно данных идей были подготовлены предшествующей историей моральной философии, прежде всего – теми мыслителями Нового времени, теоретический интерес которых был сосредоточен на выстраивании философского понятия морали. Особая роль И. Канта состояла в том, что, он, во-первых, концептуализировал идеи универсальности и автономии, сформулировал соответствующие принципы, во-вторых, интегрировал эти принципы в центральном понятии своей этики – понятии морального закона – и показал, каким образом формулы универсальности и автономии в единстве с формулой человечности выражают «верховный принцип нравственности», по существу – смысл самой морали. С точки зрения И. Канта, неспособность надлежащим образом связать универсальный характер морального закона с автономией как самозаконотворением морального субъекта, была причиной несостоятельности предпринимаемых ранее попыток определить высший принцип нравственности. В-третьих, И. Кант, в отличие от своих предшественников, для объяснения универсальности морали не апеллировал ни к природе человека, ни к природе вещей. В-четвертых, он показал, что принципы универсальности и автономии не просто взаимосвязаны друг с другом, но и взаимно определяют друг друга: принцип действия, может быть признан универсальным только в том случае, если он дан через разумную волю морального субъекта. Моральный субъект может быть признан автономным только в том случае, если он в своих поступках руководствуется принципами, которые поддаются универсализации.

Ключевые слова: универсальность, автономия, И. Кант, мораль, моральный закон, категорический императив, верховный принцип нравственности.

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), грант № 18-18-00068.

Артемьева Ольга Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН.

o_artemyeva@mail.ru

http://orcid.org/0000-0001-8266-8730

Цитирование: Артемьева О.В. (2018) Универсальность и автономия в этике И. Канта // Философские науки. 2018. № 11. С. 86–102.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-86-102

Universality and Autonomy in Kant's Moral Philosophy*

O.V. Artemyeva

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-86-102

Original research paper

Summary

The paper is devoted to the analysis of Kant's approach to the ideas of universality and autonomy as the constitutive features of morality. The paper shows that Kant's findings concerning these ideas were anticipated by the previous history of moral philosophy, mainly by the modern moral philosophers, who focused specifically on the elaboration of the philosophical concept of morality. Kant's peculiar role was that, firstly, he conceptualized the ideas of universality and autonomy and formulated corresponding principles; secondly, Kant integrated both principles into the concept of moral law (a key concept in his moral philosophy) and revealed the way by which the formula of universality and the formula of autonomy together with formula of humanity constitute the supreme principle of morality and essentially express the sense of morality itself. Kant believed that the reason for the failure of the previous attempts to explicate the supreme principle of morality was inability to understand that the moral agent is subject not only to universal but at the same time his own legislation. Thirdly, Kant, unlike his predecessors, in his examination of universality didn't appeal to the human nature or nature of things. Fourthly, he underlined that the principle of universality and the principle of autonomy were not only interconnected but also shaped each other: the determination of will may be identified as a

* The paper has been developed within the research project "The Phenomenon of Moral Universality," supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00068.

universal principle only if it is given through a moral agent's rational will. And a moral agent may be identified as autonomous only if in his decisions and actions he is guided by principles that are universalizable.

Keywords: universality, autonomy, Kant, morality, moral law, categorical imperative, supreme principle of morality.

Olga Artemyeva – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow at the Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

o_artemyeva@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0001-8266-8730>

Citation: Artemyeva O.V. (2018) Universality and Autonomy in Kant's Moral Philosophy. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 11, pp. 86–102.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-86-102

Нововременные предтечи

Концептуализация идей универсальности и автономии связана с именем И. Канта, однако на протяжении всей истории моральной философии эти идеи оказывались предметом внимания самых разных мыслителей. В докантовской этике идею универсальности можно проследить в античности у Демокрита, софистов, Сократа, стоиков, она по-разному обнаруживается в Ветхом и Новом Заветах. В Новое время к ней обращаются в связи с осмыслением феномена морали в его чистоте и целостности. В истории морально-философской мысли идея универсальности наполнялась разным значением. Ее понимали как общераспространенность моральных норм и ценностей, как общезначимость, беспристрастность, надситуативность максим поведения, как общеадресованность моральных норм и ценностей [Апресян 2001]. В нововременном этическом интеллектуализме обнаруживается близкая Кантовому понятию универсализуемости моральных максим идея генерализации морального суждения.

Идея автономии является центральной для всей западной философской мысли [См. Апресян 2015]. Джером Шнивинд свое знаменитое исследование «Изобретение автономии» начинает с утверждения о том, что концепцию морали как автономии морали изобрел (а не открыл) Кант. «Изобрел» в том смысле, в каком Лейбниц, по замечанию самого Канта, изобрел понятие монады. Говоря «изобрел», Шнивинд, по сути, имеет в виду, что моральной автономии как феномена не существует, она – продукт мысли. Вместе с тем стоит обратить внимание и на подзаголовок

книги Шнивинда – «История моральной философии Нового времени». В структуре книги Кантову изобретению отведено отнюдь не главное место. Его рассмотрение проводится Шнивиндом в контексте всей нововременной философии, и он тем самым показывает, что это изобретение было подготовлено историей докантовской нововременной мысли. Важным достижением моральной философии Нового времени Шнивинд считает появление концепций морали как *самоуправления*, которые формируются в качестве альтернативы концепции морали *подчинения* (Богу и авторитетам). Однако концепции морали как самоуправления и как автономии для Шнивинда принципиально различны. Мораль самоуправления в концепциях нововременных моральных философов проявляется в независимом и самосознательном действии человека в соответствии с теми законами и принципами, которые он считает значимыми и уместными. Мораль самоуправления исключает вмешательство авторитетов, но не исключает признания необходимости идеи Бога для моральной реализации человека. Мораль автономии означает, что человек руководствуется тем моральным законом, который сам себе задает, становясь моральным законодателем, и Божеству в этом процессе места нет [Schneewind 1998, 6].

В противоположность Шнивинду, Р.Г. Апресян, опираясь на различные источники и исследования, показывает, что идея моральной автономии не была изобретена Кантом. Западная мысль укоренена в идее автономии, которая обнаруживается в представлениях о независимости, неподотчетности, самостоятельности моральных агентов в их решениях и поступках. Разумеется, идея автономии не могла не проявиться в теоретических построениях тех мыслителей, которые стремились выделить принципиальные особенности морали (Генри Мор, Ральф Кадворт, Шафтсбери, Френсис Хатчесон, Ричард Прайс, Дэвид Юм и др.). Заслуга Канта – в концептуализации автономии и акцентировании автономии как одной из специфических характеристик морали [Апресян 2015, 16–22]. По мнению Апресяна, между пониманием автономии Канта и идеей автономии в предшествующей Канту моральной философии нет разрыва. Скорее можно говорить об «идейном континууме» в развитии представлений об автономии. Этот континуум задается, с одной стороны, идеей освобождения от внешнего воздействия, достижения независимости и самостоятельности, а с другой – «идеей предупреждения самостоятельности от произвола» [Апресян 2015, 29].

Идеи универсальности и автономии в их разном прочтении на протяжении всей истории моральной философии играли важную роль как в осмыслении отдельных аспектов морали, так и

морали в ее целостности. В некоторых философских концепциях эти идеи оказываются связанными, предполагают друг друга. Заслуживает внимания, что Гегель связность идей универсальности (всеобщности) и автономии обнаруживает уже у Сократа, который отождествил моральность (добродетельность) с независимым мышлением, определяющим самостоятельное, самосознательное существование человека. Утверждение независимости личности было сопряжено у Сократа с отрицанием внешних опор добродетели: авторитетов, общественных установлений, привычных представлений, на которые человек мог бы полагаться в своих суждениях и поступках. И здесь было важно избежать крайности субъективизма, когда лишены внешних оснований суждения и поступки оказываются следствием самомнения, своеволия или корысти. Сократ стремился показать, что добродетельный – это тот, кто во всех важных вещах полагается на собственное суждение, которое представляет собой «правильное усмотрение». Всеобщность и есть определяющая характеристика такого усмотрения, в нем субъективная и объективная составляющие соединяются: с одной стороны, «человек не признает ничего такого, о чем не свидетельствует его дух», с другой – «то, что дух, таким образом, творит из самого себя, должно произойти из него, как из духа, действующего всеобщим образом, а не из его страстей, капризных интересов и произвольных склонностей» [Гегель 1994, 54]. Всеобщность в этом контексте предстает в качестве характеристики независимого, непредвзятого, беспристрастного морального суждения.

В современных этических концепциях, в которых мораль становится специальным предметом философского исследования (кембриджский платонизм, сентиментализм, интеллектуализм), универсальность рассматривается в качестве одной из главных особенностей морали. Нельзя сказать, что это понятие обретает здесь строгую определенность. Напротив, оно специально не проясняется, термины «универсальность», «универсальное» применяются к разным предметам и употребляются неоднозначно. Например, в сентиментализме это понятие относилось к моральному чувству как моральной способности, к моральным идеям, к благожелательности – как мотиву добродетельных поступков. В кембриджском платонизме и интеллектуализме оно применялось к разуму как моральной способности – источнику знания и действующей причине поступка, к моральным понятиям. Интеллектуалисты также в универсальности видели одну из важнейших характеристик морального закона, имеющего силу не только для человека, но и для Божества. В одном из центральных для современной этической мысли значений по-

нятие универсальности близко сократовскому пониманию. Оно актуализируется для решения той же задачи – утверждения независимости, самодетерминированности личности. Решение этой задачи предполагало, во-первых, выведение человека из-под опеки прежде всего церкви, а также государства, во-вторых, выявление такого начала в человеке, благодаря которому он способен при принятии решения, совершении поступков и вынесении оценок руководствоваться своим собственным суждением. Это суждение, будучи «своим собственным», тем не менее, не партикулярно, а универсально, т.е. свободно от разного рода ограниченностей: от соображений личного или корпоративного интереса, т.е. бескорыстно, и от влияния склонностей, т.е. беспристрастно. В разных теоретических контекстах способность к универсальному моральному суждению связывалась либо с моральным чувством, либо с разумом. Апеллируя к идее универсальности в данном значении, философы указывают на особенность собственно моральной позиции. Эта позиция надситуативна, она обеспечивается способностью человека к независимому моральному суждению (решению, выбору, оценке) и соответствующему поведению. Она противопоставляется, с одной стороны, внешнему контролю, а с другой – склонностям, желаниям, стремлению к удовлетворению частного интереса. В ходе описания процедуры принятия морального решения интеллектуалист Ричард Прайс, по существу, указывает на такую ее составляющую, как *генерализация*: моральный субъект при выборе поступка задумывается над тем, как он хотел бы, чтобы в таких же обстоятельствах поступил другой человек, как этот поступок повлиял бы на отношение к нему Божества, в какой мере он соответствует достоинству существа, наделенного его способностями, состоящему в таких же, как и он, отношениях с другими людьми и имеющему такие же ожидания [Price 1948, 219–220]. Иными словами, в рассматриваемых концепциях универсальность как характеристика моральных суждений удостоверяла независимость морального субъекта в формировании этих суждений, а именно то, что, освобождаясь от внешнего контроля, человек не оказывается во власти склонностей и частных интересов, то есть является в подлинном смысле слова независимым, самоуправляющимся. Независимое моральное суждение – это необходимо универсальное суждение.

Следует обратить внимание на то, что для современных моральных философов универсальный характер моральных суждений гарантировал автономность морального субъекта в принятии этих суждений, но обратная связь между автономией и универсальностью не стала для них предметом осмысления: универсальность подтверждала автономию, но сама определялась

не автономией, а либо природой человека (сентиментализм), либо природой вещей (интеллектуализм).

Новация Канта

Своеобразие подхода Канта к идеям универсальности и автономии состоит не только в том, что он их концептуализировал и представил в качестве определяющих характеристик морали, но и в том, что он интегрировал их в центральном понятии своей этики – понятии морального закона, или «верховного принципа нравственности».

Верховный принцип нравственности Кант представил последовательно в единстве трех формул, первая из которых задает максимам как основополагающим намерениям действия (о Кантовом понятии максимы см.: [O'Neill 1985, 161–167]) форму всеобщности («поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом» [Кант 1997а, 143]), вторая – материю, или цель: разумное существо само по себе («Поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели» [Кант 1997а, 169]), а третья выражает принцип автономии («идею воли каждого разумного существа как *воли, устанавливающей всеобщие законы*» [Кант 1997а, 177]). Кант подчеркивает, что все три формулы выражают один и тот же закон, однако с разных сторон: со стороны формы, материи и полного определения всех максим.

Главную особенность принципа нравственности Кант видел в том, что этот принцип требует не просто подчинения законам, но и того, чтобы человек подчинялся исключительно «своему собственному» и одновременно «всеобщему законодательству» [Кант 1997а, 179]. Верховный принцип нравственности связывает автономию и универсальность. Неспособность осознать необходимую связанность принципа универсальности морального закона и идею автономии воли, одновременно задающей этот закон и подчиняющейся ему, была, по убеждению Канта, причиной несостоятельности предпринимаемых ранее в моральной философии попыток эксплицировать высший принцип нравственности [Кант 1997а, 179]. Почему же ни принцип универсальности, ни идея автономии, взятые сами по себе, не достаточны для выражения высшего принципа нравственности? Каким образом Кант связывает универсальность и автономию, каковы этические импликации их необходимой связанности в высшем принципе нравственности?

От универсальности к автономии

В поиске верховного принципа нравственности (в чем и состоит главная цель «Основоположения...») Кант исходит из того, что «закон, если он должен иметь значимость моральную, т.е. как основа обязательности, сопровождается абсолютной необходимостью...» [Кант 1997а, 45, 47]. Иными словами, нравственные законы обязательны для всех разумных существ и не допускают никаких исключений [Кант 1997б, 325]. Поэтому в поиске основы морального закона не следует обращаться ни к внешним по отношению к нему целям, ни к разного рода случайным предпосылкам и условиям, ни к природе человека, ни к его опыту или обстоятельствам существования в мире. Основа морального закона – «a priori исключительно в понятиях чистого разума». Лишь в этом случае обеспечивается абсолютная необходимость и всеобщая значимость морального закона [Кант 1997а, 45, 47, 105].

Моральный закон обращен к воле каждого разумного существа. Представление об этом законе должно определять волю вне зависимости от целей и следствий, которые могут быть достигнуты в результате следования ему. Для человеческой несовершенной воли моральный закон предстает в виде объективного веления – категорического императива, понуждающего волю «безусловно необходимо». Когда все «случайные, субъективные условия» исключены, единственное, что может определять волю, – это «всеобщая законосообразность действий», только она может определять волю, служить ей принципом [Кант 1997а, 89]. Всеобщую законосообразность действий Кант раскрывает в первой формуле категорического императива. Она вменяет не поступать иначе, как по такой максиме, которую субъект избрал бы также в качестве всеобщего закона. Формула универсальности требует соблюдения последовательности в мышлении и действии морального субъекта. По меньшей мере она предписывает в суждениях и принятии решений относительно поступков неизменно (в любых обстоятельствах, по отношению к любым лицам) исходить из тех же оснований, или принципов, которые моральный субъект считает правильными и обоснованными для всех разумных существ и хотел бы, чтобы ими руководствовались все. По-другому говоря, первый принцип категорического императива запрещает нам делать для себя исключения [Кант 1997а, 155].

Категорический императив *объективно* определяет волю. Форма универсальности придает максиме, которую выбирает человек, способность быть моральным законом, который Кант еще называет «законом природы» [Кант 1997а, 175]. Понятие закона природы Кант использует, в частности, для акцентирования объективности и необходимости морального закона, выраженных первым принципом. Интересно, что интеллектуалистские пред-

шественники Канта неметафорически связывали моральный закон с законом природы; они особым образом настаивали на том, что моральный закон и есть закон природы, управляющий универсумом и даже Божеством, поэтому совершать противные моральному закону поступки означает, по существу, разрушать порядок природы – порядок универсума и самого себя как часть этого порядка. Кант возражал против такой трактовки, однако считал допустимым использование *аналогии* морального закона и закона природы. По мнению Аллена Вуда, употребление понятия закона природы во второй формулировке первого принципа объясняется стремлением Канта сделать принцип универсальности более доступным – интуитивно понятным и привлекательным. С этой же целью Кант использовал понятие царства целей при разъяснении принципа автономии [Wood 1999, 187–188].

Императивы в морали выражают всеобщую закономерность действий и задают порядок, аналогичный по своей необходимости и объективности закону природы [Кант 1997а, 177]. Однако каким образом воля может быть подчинена такому закону, или что заставляет ее подчиняться? Опираясь на одну лишь формулу универсальности, получить ответ на этот вопрос едва ли возможно. Воля может определяться универсальным практическим законом по-разному: она может быть связана с ним интересом или принуждением – так, что закон не детерминирует ее непосредственно, но заставляет волю действовать в соответствии с законом. Можно предположить ситуацию, когда моральный агент осознанно и последовательно следует только тем максимам, которые мог бы избрать в качестве универсального закона, но исходит при этом из интереса, скажем, заботы о своей достойной репутации. В этом случае определяющие волю максимы, хоть они и поддаются универсализации, нельзя считать безусловными и необходимыми, ведь следование им опосредовано интересом, а значит, основание их обязательности случайно. Но это говорит также о том, что максима, обязывающая сила которой определяется интересом, не может быть признана в полной мере общезначимой, т.е. в собственном смысле слова универсальным законом. Иными словами, для того чтобы максиму в полной мере можно было считать универсальным законом, недостаточно, чтобы она соответствовала первому принципу категорического императива. Максима может стать действительно универсальной, т.е. практическим законом, если только подчинение ей воли ничем не опосредовано. Это имеет место лишь тогда, когда сама разумная воля непосредственно становится источником максимы. Кант провозглашает волю «верховой законодательницей», замечая, что «...хотя вообще воля, которая подчинена законам, и может быть

связана с этим законом посредством интереса, однако воля, которая сама является верховной законодательницей, тем самым уже не может зависеть от какого-нибудь интереса» [Кант 1997а, 177]. Здесь Кант вводит третий принцип категорического императива – принцип автономии, который выражает «верховное условие» согласованности воли с универсальным практическим разумом. В соответствии с этим принципом волю следует рассматривать подчиненной закону лишь в той мере, в какой она является самозаконодательствующей. Воля должна быть подчинена лишь тому закону, творцом которого она сама является [Кант 1997а, 177, 178]. В формуле автономии разумная воля выступает в качестве самозаконодательствующей и самообязывающей.

От автономии к универсальности

Утверждая разумную волю в качестве основания практического закона, Кант опирается на определенные предпосылки, которые в самой по себе формуле автономии не содержатся, но которые она получает из двух других формул. Разумная воля в контексте рассуждений Канта может рассматриваться в качестве единственно возможного основания универсального закона при необходимом допущении, что разумное существо есть единственная абсолютная ценность и цель сама по себе (принцип человечности). Из принципа человечности, по утверждению Канта, бесспорно следует, что каждое разумное существо в отношении ко всем законам, которым подчиняется, должно рассматривать себя также и как всеобще-законодательное [Кант 1997а, 197]. Отличительную особенность разумного существа как цели самой по себе Кант видит именно в том, что оно способно выступать в качестве субъекта универсального законодательства и только в силу этого подчиняться ему. По логике Канта, поскольку формулы универсальности и человечности провозглашены в качестве принципов категорического императива, они *предполагают* отсутствие примеси в «побудительном авторитете» какого-либо интереса, однако только в формуле автономии отказ от всякого интереса при волеии по долгу обретает статус принципа.

Другая важная предпосылка формулы автономии содержится в формуле универсальности. Кант неоднократно подчеркивает, что в морали разумная воля должна быть источником универсальных (универсализуемых) максим. По формуле автономии, должны быть отвергнуты максимы, которые не могут совместиться с собственным и – не менее важно – с *универсальным* законодательством воли [Кант 1997а, 175]. Можно сказать, что достоинство разумной природы является предпосылкой формулы автономии, а универсальный характер максим, которые производятся разумной волей, составляет необходимый признак ее автономии.

Определяющей для понимания автономии является идея самозаконодательства разумной воли. Автономия есть «такое свойство воли, благодаря которому она сама является для себя законом (независимо от каких бы то ни было свойств предметов воления)» [Кант 1997а, 205]. Кант противопоставляет автономию гетерономии, которая имеет место, «если воля ищет свой закон в чем-нибудь другом, а не в пригодности ее максим ее собственному всеобщему законодательству, следовательно, если она, выходя за пределы самой себя ищет закон, который должен ее определить, в свойстве какого-нибудь из своих объектов» [Кант 1997а, 207]. Гетерономия воли имеет место, когда разумное существо совершает поступки из интереса, страха или по склонности, или если оно поступает по чьему-либо указанию или приказу.

Автономия как самозаконодательство воли «... есть единственный принцип всех моральных законов и соответствующих им обязанностей» [Кант 1997б, 355]. Идею автономии как самозаконодательства и как основания моральной обязанности исследователи считали самым оригинальным открытием Канта [Schneewind 1998, 6; Wood 1999, 156]. Шнивинд рассматривает кантовскую идею автономии как самозаконодательства в качестве более полного и радикального воплощения общего для ранненовременной моральной философии нормативного представления о достоинстве и ценности индивида [Schneewind 1998, 6].

Однако идея автономии как самозаконодательства и единственного в этом значении принципа моральных законов и обязанностей впоследствии стала предметом жесткой критики. Например, Э. Энском считала идею «самозаконодательства» абсурдной [Anscombe 1958, 2, 13]. С ее точки зрения, все, что человек делает сам, может вызывать восхищение, но не может иметь законодательной силы и тем более силы универсального закона. Человек действительно способен следовать тем принципам и нормам, которые он сам для себя вырабатывает и считает правильными, осознавая при этом, что может ошибаться [Anscombe 1958, 13]. Но понятием законодательства, считает Энском, предполагается нечто большее, а именно – высшее полномочие законодателя. Однако человек им не обладает, роль морального законодателя может выполнять только Бог.

Еще более определенно в отношении идеи автономии Канта высказалась Айрис Мёрдок. Ее высказывание стало предметом критического обсуждения и Оноры О'Нил [О'Нил 1995, 127; О'Нейл 1989, 75–76] и Вуда [Wood 1999, 373–374 note 3]. По мнению Мёрдок, Кант упразднил Бога и поставил на его место человека, и это идейно сблизило Канта с Ф. Ницше, экзистенциализмом и

англосаксонскими теориями морали. Главную особенность всех этих концепций Мёрдок усматривала в том, что в центре каждой оказывается понятие ничем не стесняемой человеческой воли как источника ценностей. Ценности, которые ранее считались начертанными на небесах и гарантированными Богом, начиная со второй половины XIX в., оказались «низвергнутыми» в сферу человеческой воли [Murdoch 1970, 79]. Начало этому процессу положил, по мнению Мёрдок, именно Кант. Однако прообраз Кантова автономного морального субъекта она обнаружила в изображенном Джоном Мильтоном Люцифере [Murdoch 1970, 79]. Понятие автономии Канта, в интерпретации Мёрдок, отождествляется с ничем не ограниченным выбором, с абсолютной независимостью, по существу – со своеволием.

И Энском, и Мёрдок не разделяли нововременное убеждение в безусловной ценности и достоинстве индивида и не считали возможным доверить ему (в его оторванности от трансцендентной реальности, от Бога) самозаконодательство в морали. В отличие от Шнивинда, в концепции автономии они видели скорее признаки упадка моральной философии, нежели ее достижение. И Энском, и Мёрдок, каждая по-своему, интерпретировали мысль Канта, предполагая, что он приписал автономии ограниченному в разных отношениях индивиду, опирающемуся в своем выборе исключительно на собственные предпочтения и не принимающему во внимание ничего другого и никаких других. В этом случае, действительно, возникает образ автономии, которая может восприниматься как «тотальная направленность на самого себя», «автономия в предельном смысле» (Р. Адамс) [Adams 1999, 271], «сатанинское самоутверждение» (А. Вуд) [Wood 1999, 374 note 3], как демонстрация произвола конечного разумного существа, «негативной свободы» (О. О'Нил) [O'Neill 1989, 76]. Примечательно, что и Энском, и Мёрдок подвергали критике не основания этики Канта, определявшие и его концепцию автономии, а тот образ автономии, который у каждой из них по-своему ассоциировался с самими словами «автономия» или «самозаконодательство», и имел мало общего с Кантовой концепцией.

Автономию, разумеется, возможно мыслить как проявление ничем не ограниченной независимости, неподотчетности индивида и считать ее на основе этого либо одним из самых важных достояний человека, либо свидетельством его упадка. Но Кант так автономию не мыслит.

Критики кантовского понятия автономии игнорируют существенные для Канта моменты. Во-первых, положение о том, что «прерогатива» каждого разумного существа по сравнению с природными существами состоит в том, что оно «постоянно

должно принимать свои максимы с точки зрения самого себя, но в то же время также и каждого другого разумного существа как законодательного» [Кант 1997а, 197]. Так что в отличие от милтоновского Люцифера моральный субъект в трактовке Канта (помимо того, что он в своем законодательстве не руководствуется обидой и мстью, т.е. склонностями) не замкнут на самом себе в выборе принципа действия и, более того, воспринимает другого так же, как самого себя, – как цель саму по себе и как утверждающего законы. Благодаря этому и оказывается возможным «мир разумных существ» как «царство целей» – идеал, представляющий собой «систематическую связь разумных существ посредством общих объективных законов», которые «имеют в виду как раз отношение этих существ друг к другу» [Кант 1997а, 183]. Во-вторых, в трактовках автономии как абсолютной независимости игнорируется положение Канта о необходимой взаимодополнительности принципа автономии и принципа всеобщности. Представление об объективном всеобщем законе само по себе не содержит указания на единственно возможное основание этого закона (разумную волю), а идея автономии, не подтвержденная принципом всеобщности, оказывается всего лишь своеволием, гетерономией. И когда Кант утверждает, что автономия есть *единственный* принцип всех моральных законов и соответствующих им обязанностей, он исходит из особого понимания автономии.

О'Нил своеобразно этого понимания автономии видит в том, что Кант трактует автономию не как самодетерминацию индивидуального субъекта (принимающего решения исходя исключительно из «самого себя»), а как самозаконотворчество разума [O'Neil 2003, 17]. В дополнение к этому – в понимании самозаконотворчества разума как принципа воления, характеризующегося определенными особенностями. С точки зрения О'Нил, автономия в концепции Канта есть особенность принципов действия, которая складывается из единства законосообразности их формы и универсальности сферы применения [O'Neil 2003, 15, 18]. Если законосообразность формы характеризует как автономные, так и гетерономные принципы, то универсальность сферы применения – исключительная черта автономных принципов. Гетерономные принципы имеют форму закона, но они ссылаются на общие желания, убеждения, культурные или институциональные источники согласия, в качестве которых могут выступать авторитет церкви, государства, общественного мнения и т.п. Гетерономные принципы тем самым предлагают «внутригрупповые» основания для тех, кто признает эти источники в качестве авторитетных. Однако они не обращены к

тем, для кого эти источники не являются таковыми. Мораль же по самой своей природе отвергает принципы действия, которые не могут быть приняты всеми и не могут рассматриваться в качестве универсальных законов. Источником автономных принципов может быть исключительно разум, поэтому они пригодны для всех (безотносительно к желаниям, вере, идеологии, культуре и т.п.). Требование жить по таким принципам, по мнению О'Нил, выражает смысл Кантовой метафоры самозаконотворчества и связывает концепцию автономии с пригодностью принципа быть универсальным законом. О'Нил, считает, что формулы автономии и универсальности Кант утверждает в качестве двух *разных* формулировок категорического императива, которые тем не менее неотделимы друг от друга и в равной степени являются ключевыми для выражения смысла морали.

Не только О'Нил, но и другие исследователи практической философии Канта обращают внимание на то, что, с одной стороны, каждая из формул категорического императива имеет собственное содержание, а с другой – все три неразрывно связаны между собой и подчеркивают важность понимания системного характера «верховного принципа нравственности», смысл которого раскрывается лишь в единстве трех формул. Близкое понимание обнаруживается и в текстах авторов, которые полагают, что все три формулы категорического императива имеют, по существу, одно и то же, только по-разному выраженное содержание. Так можно понять Э.Ю. Соловьева, который отмечает, что формулы категорического императива сходны с общающимися сосудами, наполненными одним и тем же смыслом, поэтому возникает впечатление, что содержание второй и третьей формул уже выражено в первой [Соловьев 2005, 72]. Однако в ходе обсуждения формулы автономии Соловьев демонстрирует взаимодополнительность всех трех формул. Это следует, в частности, из его замечания о том, что, согласно Канту, к независимому целеполаганию способен лишь тот, кто имеет универсализируемые принципы; что статусом «принцип» может быть наделено лишь то проистекающее из разумной воли правило, которое прошло проверку на общезначимость (первую формулу категорического императива) и не нарушает запрета на утилизаторское насилие (вторая формула) [Соловьев 2005, 121]; что чем решительнее человек ставит свои принципы под критерий универсализации, тем в большей степени он оказывается господином самому себе [Соловьев 2005, 119]. И для Вуда системное единство «верховного принципа нравственности» в Кантовой концепции очевидно и чрезвычайно важно, он показывает, что каждая из трех формул категорического императива выполняет

самостоятельную роль, дополняя содержание двух других формул [Wood 1999, 187].

Заключение

Принципы универсальности и автономии в концепции Канта не просто содержательно дополняют друг друга, но и оказываются взаимно определяющими. Такая концептуализация данных понятий также отличает позицию Канта от его предшественников, которые воспринимали универсальность главным образом в объективистски-натуралистическом ключе. Кант же, не апеллируя ни к человеческой природе, ни к природе вещей, показал, что принцип действия, определяющий волю, может быть признан универсальным только в том случае, если он дан через разумную волю морального субъекта. А моральный субъект может быть признан автономным только в том случае, если он в своих поступках руководствуется принципами, которые поддаются универсализации. Важно и то, что принцип автономии не обособляет морального субъекта от всех других, не замыкает его на самом себе, напротив, ориентирует его на полноценную включенность в «мир разумных существ».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Апресян 2001 – *Апресян Р.Г.* Всеобщность // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. С. 78–80.

Апресян 2015 – *Апресян Р.Г.* Историческая и нормативная динамика идеи моральной автономии // Дискурсы этики. Альманах. 2014. № 4(9); 2015 № 1(10). С. 13–34.

Гегель 1994 – *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Кн. 2. – СПб.: Наука, 1994.

Кант 1997а – *Кант И.* Основоположения к метафизике нравов // *Кант И.* Соч.: В 4 т., на нем. и рус. яз. / Подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. Т. 3. – М.: Московский философский фонд, 1997. С. 39–276.

Кант 1997б – *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. / Подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. Т. 3. – М.: Московский философский фонд, 1997. С. 277–733.

О’Нил 1995 – *О’Нил О.* Автономия: зависимость и независимость // Мораль и рациональность / Отв. ред. Р.Г. Апресян. – М.: ИФ РАН, 1995. С. 119–135.

Соловьев 2005 – *Соловьев Э.Ю.* Категорический императив нравственности и права. – М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Adams 1999 – *Adams R.* Finite and Infinite Goods: A Framework for Ethics. – Oxford: Oxford University Press, 1999.

Anscombe 1958 – *Anscombe G.E.M.* The Modern Moral Philosophy // *Philosophy: The Journal of Royal Institute of Philosophy.* 1958. Vol. 33. No. 124. P. 1–19.

Murdoch 1970 – *Murdoch I.* The Sovereignty of Good. – London: Routledge, 1970.

O’Neill 1985 – *O’Neill O.* Consistency in Action // *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* / Ed. by N.Y. Potter, M. Timmons. – Dordrecht, Boston, Lancaster, Tokyo: D. Reidel Publishing Company, 1985. P. 159–186.

O’Neill 1989 – *O’Neill O.* Constructions of Reason. Explorations of Kant’s Practical Philosophy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

O’Neill 2003 – *O’Neill O.* The Inaugural Address: Autonomy: The Emperor’s New Clothes // *Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes.* 2003. Vol. 77. P. 1–21.

Price 1948 – *Price R.* A Review of the Principal Questions in Morals / ed. Rafael D.D. – Oxford: The Clarendon Press., 1948.

Schneewind 1998 – *Schneewind J.* The Invention of Autonomy: The History of Modern Moral Philosophy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Wood 1999 – *Wood A.W.* Kant’s Ethical Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

REFERENCES

Adams R. (1999) *Finite and Infinite Goods: A Framework for Ethics.* Oxford: Oxford University Press.

Anscombe G.E.M. (1958) The Modern Moral Philosophy. *Philosophy: The Journal of Royal Institute of Philosophy.* Vol. 33, no. 124, pp. 1–19.

Apressyan R.G. (2002) Universality. In: *Ethics: Encyclopedic Dictionary* (R.G. Apressyan & A.A. Guseynov, Eds.) (pp. 78–80). Moscow: Gardariki (in Russian).

Apressyan R.G. (2015) Historical and Normative Evolution of the Idea of Moral Autonomy. *Diskursy etiki = Discourses of Ethics.* 2015. Nos. 9–10, pp. 13–33 (in Russian).

Hegel G.W.F. (1994) *Lectures on the History of Philosophy.* Book 2. St. Petersburg: Nauka (in Russian).

Kant I. (1997a) *Groundwork of the Metaphysics of Morals.* In: *Kant I. Works in 4 vols. In German and Russian.* (N. Motroschilova & B. Tuschling, Eds.) (Vol. 3, pp. 39–276). Moscow: Moscow Filsofskiy Fond (in German and Russian).

Kant I. (1997b) Critique of Practical Reason. In: *Kant I. Works in 4 vols. In German and Russian.* (N. Motroschilova & B. Tuschling, Eds.) (Vol. 3, pp. 277–733). Moscow: Moscow Filsofskiy Fond (in German and Russian).

Murdoch I. (1970) *The Sovereignty of Good.* London: Routledge.

O’Neill O. (1985) Consistency in Action. In: Potter N.T. & Timmons M., Eds. *Morality and Universality: Essays on Ethical Universalizability* (pp. 159–186). Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.

O'Neill O. (1989) *Constructions of Reason. Explorations of Kant's Practical Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

O'Neill O. (2003) The Inaugural Address: Autonomy: The Emperor's New Clothes. *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*. Vol. 77, pp. 1–21.

O'Neill O. (1995) Autonomy: Dependence and Independence. In: Апресян Р.Г. (Ed.) *Morality and Rationality* (pp. 119–135). Moscow: RAS Institute of Philosophy Pub. (Russian translation).

Price R. (1948) *A Review of the Principal Questions in Morals* (D.D. Raphael, Ed.). Oxford: The Clarendon Press.

Schneewind J. (1998) *The Invention of Autonomy: The History of Modern Moral Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Soloviev E.Y. (2005) *The Categorical Imperative of Morality and Law*. Moscow: Progress-Tradiciya (in Russian).

Wood A.W. (1999) *Kant's Ethical Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

Универсальность моральных требований и обязанности перед близкими людьми*

А.В. Прокофьев

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-103-113

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье предпринята попытка проследить истоки того противоречия, которое вызывает к жизни полемику о моральном статусе обязанностей перед близкими людьми (специальных обязанностей). Особенностью специальных обязанностей является то, что их порождает уникальная индивидуальная история деятеля, создающая разную дистанцию по отношению к разным реципиентам последствий его действий. Реципиенты, находящиеся на небольшой дистанции, являются для деятеля «своими», те, кто удален в большей мере, – «чужими». Разграничение «свои»/«чужие» формируется на основе симпатии (как в случае дружеских и любовных отношений), кровнородственных связей, принадлежности к культурным, территориальным, политическим сообществам. Специальные обязанности предполагают допустимость и обязательность предпочтительного отношения к «своим». Такое отношение неизбежно попадает под вопрос в связи с тем, что в обобщенных теоретических моделях морали моральные требования наделяются двумя взаимосвязанными свойствами: универсальностью и высокой степенью общности. Типичная моральная обязанность – это обязанность, которую имеет каждый человек по отношению к каждому человеку. Она не предполагает исключений в пользу «своих». Такие исключения тождественны пренебрежению общечеловеческим равенством и представляют собой недопустимую пристрастность. Однако для обладателей общераспространенных моральных представлений специальные обязанности являются неотъемлемой частью долга. Р. Гудин предположил, что они имеют приоритет в отношении позитивных общих обязанностей и уступают по силе негативным общим. Эмпирические исследования живого морального опыта, проанализированные в статье, подтверждают этот порядок приоритета, хотя и вносят в него некоторые коррективы. Так как этическая теория не может игнорировать фундаментальные особенности живого морального опыта, то перед ней стоит непростая задача совмещения равенства и беспристрастности с сопровождающим исполнением специальных обязанностей предпочтительным отношением к «своим».

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00068.